

ЗАИМСТВОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОПАСНОСТИ РЕАЛЬНЫЕ И МНИМЫЕ

Этнические ценности – это совокупность жизненных ориентиров, идеалов, образцов, культурных традиций, предпочтительных черт характера представителей данного этноса и других параметров, которые сами этнофоры считают наиболее значимыми для самосохранения и развития своего народа и для реализации его предназначения в мировой истории и культуре.

Этнической культуре свойственны две основные тенденции – к развитию (изменению) и стабильности (утверждению). Соответственно все ценности культуры можно разделить на два типа – «динамические» и «стабилизирующие». Динамические ценности связаны с освоением нового содержания в процессе развития этноса. Стабилизирующие отвечают за внедрение динамических ценностей в толщу культуры, за их закрепление в устойчивых формах. Однако ценности не бывают раз и навсегда заданы в качестве стабилизирующих или динамических. Возникнув как динамическая, ценность со временем может стать стабилизирующей, а затем вновь обрести императивное наполнение. Тем самым оба вида ценностей неразрывно связаны.

В методологическом отношении мы опираемся на идею, что ценностные доминанты социума существуют в виде центральной зоны культуры (термин Э. Шилза). Начало центральной зоны – сакральное. Важнейшая ее функция – приведение подсистем общества в соответствие с экзистенциальными идеалами этноса в целом. Объединяющую роль играют символически значимые образы-авторитеты, священные тексты, сакральные события, представления о добре и зле, о жизни и смерти, о предпочтительности моделей поведения и т.д. Несмотря на то, что аксиосфера этнической культуры представляет собой круговорот динамических и стабилизирующих ценностей, в своих границах она константна: это постоянство задается центральной зоной культуры, фильтрующей поступающие ценности, исходя из соответствия «ценностному каркасу». Сегодня мы много говорим о процессе глобализации, о беспрецедентном влиянии Запада на развивающиеся страны, о том, как благодаря заимствованиям разрушаются самобытные системы ценностей. Все эти опасения,

безусловно, имеют свои резоны. Но представляется, что вопрос следует поставить несколько глубже: возможно ли так легко подменить ценности культуры?

На наш взгляд, это не столь уж просто сделать. Во-первых, влияние ценностей никогда не бывает однонаправленным. Так, например, в современных условиях, когда каждый третий клиент фирм США – с Востока, эти фирмы не могут позволить себе не учитывать его происхождения и традиций. Потому они вынуждены изучать культурные ценности тех этносов, с представителями которых имеют дело, обеспечивать им привычный комфорт (рестораны с восточной кухней, фэн-шуй как принцип оформления учреждений и т.д.). Так что существенному компоненту глобализации – вестернизации – сопутствует противонаправленный вектор – «истернизация».

Во-вторых, этнос присваивает лишь те инновации, которые соответствуют его иерархии ценностей. Ответственным звеном за фильтрацию ценностей является центральная зона культуры. Заимствования, не отвечающие ей, могут существовать какое-то время либо в качестве моды, либо как прерогатива какой-то субкультуры (в таком случае это заимствование имеет явно престижный характер, представляет собой своего рода символический капитал), но затем вымываются из культуры.

Почему же нам представляется, что под влиянием западных СМИ мы легко потеряем автохтонные основания этнического бытия? Вероятно, причина таких воззрений состоит в том, что поверхностное выражение культуры заметнее, нежели ее глубинное наполнение. Кроме того, эти тревоги связаны с состоянием культуры в данный, конкретный момент. Мы не можем судить об исторической динамике, а можем только осторожно прогнозировать. Тем более, что именно в периоды воздействия более «сильной» культуры на более «слабую» и возникают феномены «нациоренессансов». Не случайно спутником глобализации является этнический бум современности.

В-третьих, если заимствованные ценности других народов остаются в культуре на долгое время, то причина этого такова: непоименованные (в понимании Ю. М. Лотмана, т.е. незамечаемые данной культурой феномены) требуют «именования», механизм которого традиционной культурой – в силу отсутствия в ней этих явлений – не выработан. Таковы, например, универсальные термины науки: поскольку феномены, которые в этих терминах

определяются, открыты на Западе, немудрено, что они приходят в культуру Востока в своих западных наименованиях.

И наконец, рискнем предположить, что как таковые ценности вообще заимствуются достаточно редко. Скорее, принимаются их элементы, причем чисто инструментальные. Так, современное «низкопоклонничество перед Западом» в некоторых странах Восточной Европы связано с принятием в ее культуру внешних атрибутов – культуры одежды, питания, средств и форм массовой коммуникации, жанров искусства, но не глубинного содержания. Перенимаются модели поведения американских героев, но остаются не востребованными ведущие ценности «культуры-донора». Так, например, специфические американские формы труда и профессионализма в России во многом остались не востребованными.

Несмотря на то, что герои западного масскульта, как правило, люди какой-либо профессии, от постсоветского зрителя и читателя этот момент ускользает, ибо модель восприятия исходит из сложившейся ценностной шкалы, заложенной в центральной зоне культуры. Такими ценностями в культуре православия являются нравственные искания и межиндивидуальные отношения, потому реципиент в первую очередь отслеживает элементы текста, связанные именно с этими этнокультурными ориентирами. Значим и тот факт, что установка православия на предпочтительность духовной жизни перед материальной насчитывает четырнадцать столетий, в то время как нашествие западных ценностей во всеобщем масштабе – всего около нескольких десятилетий.

Что касается белорусской модели труда, то она являет промежуточный вариант: с одной стороны, стиль жизни белоруса зиждется на трудовом кодексе, более того, индивидуальный труд предпочитается коллективному (западный этос), но, с другой стороны, белорус не является сторонником мирского аскетизма, ни тем более, «расколдовывания мира» (М. Вебер), свойственного западным культурным образцам.

Можно сделать вывод, что ценности заимствуются далеко не в полном объеме, и более или менее обоснованно здесь можно говорить лишь о их поверхностном слое. Причина этого – в деятельности центральной зоны культуры, сортирующей инокультурные заимствования. Более того, принятые заимствования всегда подстраиваются под параметры, определяемые центральной зоной культуры: яркий пример этого –

народная этимология, когда иностранные элементы подстраиваются под знакомую систему родного языка.

Впрочем, в ситуации чрезмерно быстрой смены ориентиров и образцов целостность культуры может оказаться под угрозой. Но такая ситуация является сравнительно редкой. На имплицитном уровне ей противостоит сам способ усвоения ценностей: они входят в самосознание и личности, и общности не только явным путем – посредством образования и воспитания, – но и вследствие «культурного автоматизма», латентно, путем бессознательного усвоения традиционных поведенческих моделей, семантических предпочтений и т.д. На эксплицитном же уровне трудно преувеличить роль авторитетов – и деятелей культуры прошлого, и элиты современности, которые во многом и осуществляют фильтрацию ценностей с позиций соответствия или несоответствия их общеэтническим моделям.

Ценности культуры амбивалентны. Вероятно, причина этого в том, что каждый этнос создает свой «аксиологический запас», из которого можно черпать руководства к действию на разные случаи жизни. Но в момент выбора ценности (и чем она фундаментальнее, тем более правомерен чрезвычайно осторожный подход конструирующей ценностную сферу элиты) следует избирать ее не только исходя из соображений «привычности» или «удобства», но и из того, насколько она соответствует наличной ситуации.

Культура имеет особые механизмы самосохранения: они запечатлены в ее центральной зоне и исходят из представлений о сакральном. Более того, именно с точки зрения священных начал, разрушение которых представляется недопустимым, центральная зона культуры как императивный по отношению к картине мира образец задает параметры «возможного – невозможного», «желательного – нежелательного», а значит, и критерии отбора ценностей. Если заимствование разрушает эту аксиологическую шкалу, то ценность автоматически блокируется или, просуществовав некоторое время на периферии культуры, уходит в забвение. Если же она не нарушает приоритетов этноса, защитные механизмы центральной зоны культуры позволяют ей проникнуть через этнокультурные фильтры и войти в состав аксиосферы.